

сообществе в рамках расстановки и баланса сил, а также появления новых вызовов и угроз. Появляются новые угрозы гегемонизма, силовой политики и неоинтервенционизма, которые исходят от США. Международная террористическая деятельность, сформированная на основе этнических, религиозных, пограничных и территориальных конфликтов, непредсказуема и на современном этапе активизирует свое влияние в странах Европы. В мире отмечается большое число малых войн, конфликтов и кризисов, систематически повторяющихся в разных регионах. Мир по-прежнему сталкивается как с непосредственными, так и потенциальными угрозами локальных войн, соответственно, значимость формирования эффективной и действенной системы национальной и международной безопасности в современных условиях неоспоримо повышается.

Список использованных источников

1. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2017.
2. National Security Strategy. – 2015. – May [Electronic resource]. – Mode of access: <http://nssarchive.us/NSSR/2015.pdf>. – Date of access: 15.10.2017.
3. The National Military Strategy of the United States of America 2015. [Electronic resource]. – Mode of access: http://pentagonus.ru/_ld/12/1287_2015_National_M.pdf. – Date of access: 22.10.2017.
4. SIPRI Military Expenditure Database [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.sipri.org/databases/milex>. – Date of access: 22.10.2017.
5. 中华人民共和国国家安全法 [Electronic resource]. – Mode of access: http://www.gov.cn/xinwen/2015-07/01/content_2888316.htm. – Date of access: 22.10.2017.

(Дата подачи: 28.02.2018 г.)

A. V. Панченко

Белорусский национальный технический университет, Минск

A. V. Panchenko

Belarusian National Technical University, Minsk

УДК 342.22

ПРАВОВОЕ КОНСТИТУЦИОННОЕ ГОСУДАРСТВО: ИСТОРИЧЕСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ

THE LEGAL CONSTITUTIONAL STATE: HISTORICAL PARALLELS

В статье раскрываются важнейшие научно-теоретические положения правового конституционного государства на основе анализа трудов либеральных российских уче-

ных XIX – начала XX в. В статье обосновывается мысль о том, что инструментарий для выработки этих положений был заимствован из опыта развития западно-европейского государства. Оказавшись слабо соотносящейся с реалиями отечественного и мирового развития начала XX в., правовое конституционное государство было вытеснено радикальной тенденцией политического переустройства. В первом десятилетии XXI в. проявились тенденции, которые указывают на схожесть исторических параллелей политического развития.

Ключевые слова: правовое конституционное государство; отечественная либеральная мысль; политическое переустройство; исторические параллели.

The article deals with the most important scientific-theoretical principles of legal constitutional state based on the analysis of the writings of liberal Russian scientists of XIX-beginning the XX century. The article substantiates the idea that the tools to develop of these provisions were borrowed from the experience of Western-European States. Being poorly matched with the realities of domestic and global development of the beginning of the twentieth century, the legal constitutional state has been supplanted by the radical trend of political transformation. In the first decade of the XXI century the trends were manifested which indicate the similarity of the historical parallels of political development.

Key words: the legal constitutional state; the domestic liberal thought; political transformation; historical parallels.

Среди многочисленных политических идеологий России XIX – начала XX вв. видное место принадлежало либеральной идеологии, разработанной группой либеральных деятелей. Многие суждения, сделанные ими, созвучны реалиям политического процесса XX – начала XXI в. Новое прочтение теории, истории и практики российского конституционализма является актуальным с точки зрения выявления исторических параллелей, обуславливающих современное политическое развитие.

* * *

Формирование либеральной идеологии в России носило исторически иной характер, чем в странах Западной Европы. Российское самодержавие, так или иначе, выступало в качестве участника процесса гражданскогокрепощения страны. Со времен Петра I государство сочетало в себе два противоречивых начала. С одной стороны, абсолютизм власти с безоговорочным подчинением личности государству. С другой стороны, европейское просвещение, образованность, дух свободы.

К 60-м гг. XIX в. ограничение самодержавия и отмена крепостного права стали центральными вопросами общественного развития в России. Вот как описывает объективные причины складывавшегося положения один из исследователей того времени Н. И. Иорданский: «Понижение доходности крепостного хозяйства, возрастающая колоссально задолженность дворянских имений, падение естественного прироста населения, массовое бегство крепостных крестьян, ослабление платежных способностей населения», – вот далеко не полный перечень симптомов «разложения старого порядка» и «вызревания нового строя экономических и правовых отношений» [1, с. 16–20].

Острота переживаемого страной момента усиливалась многочисленными крестьянскими восстаниями, сопровождавшимися «особым ожесточе-

нием», «изувечением управителей, побоями помещиков, покушениями на их жизнь и убийствами»¹. Кроме того, были вскрыты факты коррупции, общей моральной деградации². В потоке реформационных преобразований 60–70-х гг. XIX в., обусловленных «многочисленными столкновениями между реальными нуждами жизни и отжившими правовыми и политическими нормами», в стране был выявлен широкий спектр политических идеологий и практик: от консервативных до радикальных, революционных.

Несмотря на то обстоятельство, что отечественному либерализму были присущи общие черты этой идеологии как течения общественной мысли, все же имелась и своя специфика. Как отмечал крупный исследователь истории либерального движения в России В. В. Леонтович, эта специфика состоит «в том, что у **российского либерализма не было важнейших исторических корней... И идеологически и практически российский либерализм был склонен к тому, чтобы перенимать и получать от других, извне.** К этому надо еще добавить, что тот образец полицейского государства, который был воплощен в крепостничестве, еще более резко противоречил принципам либерализма, чем западноевропейское полицейское государство, в области как политического, так и общественного устройства государства» [2, с. 3].

Идеи просвещения, распространявшиеся и при дворе, и в широких слоях дворянства, были заимствованы с Запада, они действительно не имели собственно российских исторических корней. Трансформируясь на отечественной почве, либеральные идеи приспосабливались под российскую действительность, находили свое выражение в попытках частичных реформ «сверху».

Видными представителями идеологии либерализма начала XIX в. были Н. С. Мордвинов, М. М. Сперанский, Н. Н. Новосельцев (близкий друг и помощник Александра I; после войны 1812 г. он создал «Уставную грамо-

---

¹ Впечатляет динамика непрерывных крестьянских восстаний, приводивших общество в состояние гражданской войны. В 1843 г. волнения крестьян происходили в 11 губерниях. В 1845 г. – в 13 губерниях, причем в некоторых повторялись несколько раз. В 1847 г. – в 20, в 1848 г. и в 1851 г. – в 22, а в 1853 г. – в 33. Во время волнений 1854–1855 гг. войскам пришлось выдерживать упорные стычки с толпами крестьян (*Иорданский, Н. И.* Конституционное движение 60-х гг. / Н. И. Иорданский // Указ. соч. – СПб., 1906. – С. 16–20).

² В частности, в Новгородской губернии в течение 20 лет выплачивалось 3–4 тыс. р. из государственной казны на ремонт упраздненной 20 лет назад парусной фабрики, которая якобы чинилась и ремонтировалась. На строительство промежуточной станции в селе Вишеры на московском шоссе было ассигновано 16000 р. Эта сумма как единовременный расход взыскивалась на протяжении нескольких лет ежегодно, а постройка же самой станции из-за открытия железной дороги была отменена и никогда не производилась. Далее. Многие мосты, на содержание которых отпускались значительные суммы, исчезали бесследно, но чинились всегда авральным способом нарядом обывателей и то только перед проездом губернатора или других сановников (*Иорданский, Н. И.* Конституционное движение 60-х гг. / Н. И. Иорданский // Указ. соч. – СПб., 1906. – С. 20).

ту» – по сути конституцию умеренного толка). Мордвинов и Сперанский разработали собственную политико-правовую концепцию преобразования российского государственного устройства, основой которой стало положение о естественном праве как основе законодательства. Они выдвигали идеи монархического правления с незыблемым разделением властей. Причем Сперанский выступал за переход к конституционной монархии. Компетенцию исполнительных органов он ограничивал нормативно-правовыми актами-уставами, учреждениями, регламентами, в которых определялась деятельность административной власти [3].

Особой глубины либеральная мысль достигла к началу XX в. В это время идеологи либерализма придавали большое значение вопросам правовой конституционной государственности. Насущной общественно-политической задачей в идейных воззрениях либеральных мыслителей XIX – начала XX в. стало принятие конституции и обоснование путей конституционного развития страны. При всем разнообразии трактовок идей конституционализма главным лейтмотивом либеральной мысли выступала концепция правового государства и поиск путей ее практической реализации в России. Старый порядок в корне не соответствовал принципам правового государства, и в этом заключалась его историческая несовместимость с правовым развитием страны.

Многие крупные ученые и политические деятели в России обычно отождествляли правовую государственность с основными чертами западноевропейского конституционного государства. В трудах таких видных российских либералов, как: **Б. Н. Чичерин, В. А. Гольцев, Б. А. Кистяковский, С. А. Котляревский, С. А. Муромцев (первый председатель первой Государственной думы), Н. М. Коркунов, Н. И. Палиенко, А. С. Алексеев, В. М. Гессен, П. И. Новгородцев, Г. Ф. Шершеневич, Н. И. Лазаревский и др.** исследовались проблемы взаимоотношений человека и власти, сущности институтов государственной власти, политики и нравственности. При этом главный упор ими был сделан на легальные методы борьбы за правовые и конституционные начала в государстве. Они считали нецелесообразными или нравственно недопустимыми те орудия борьбы, применение которых, с одной стороны, требует напряжения чрезвычайно большой энергии, а с другой – производит особенно сильное впечатление. По их убеждению, основной силой, организующей и реформирующей государство, выступает общественное мнение. Поэтому вся их деятельность проявлялась главным образом в солидарных и решительных выступлениях, в органах самоуправления, в печати. Только такая борьба с произволом, по их мнению, могла явиться настоящей школой гражданского воспитания для широких слоев населения, приучая их к активному отстаиванию собственных интересов и своих прав на твердой почве закона. Ареной подобной борьбы должны были стать не только выступления в печати, на общественных собраниях, проведение акций солидарности, но и деятельность в официальных, а также

частных учреждениях, непосредственно связанных с различными слоями общества. Городская дума, земское собрание, просветительское общество и т. д. – все это образовывало органы широких общественных интересов, деятельность которых составляла существенную часть внутренней жизни российского общества.

Либеральные теоретики полагали, что посредством гражданского воспитания правового конституционного сознания в массах на практике станет возможным постепенное приближение эпохи обновления политической жизни России, эпохи перехода к более совершенным формам государственного устройства, основанным на ограничении абсолютизма народным представительством и создании парламента. Либералы стремились «расшевелить» людей, организовывая различные кружки, просветительские общества, в которых пропагандировались идеи правового порядка и их открыто отстаивания в практической работе.

До последней возможности, считали либералы, необходимо отстаивать право на легальную деятельность, так как в этой борьбе за открытое осуществление своих законных прав и проявляется во всей яркости правовая идея, вырабатываются привычки и потребность проводить эту идею в жизнь.

Учитывая опыт широких крестьянских восстаний, столкновений народных масс с царским правительством середины XIX в. в России, либералы выступали последовательными противниками насильственных революционных методов борьбы. Они убеждали, что «толкать народ к кровавой расправе – опасное и едва ли хорошее дело». Причем «именно неприготовленность массы ни к чему иному, кроме натиска», означает «вероятность появления на обломках старого – цезаря или нескольких цезарей» [4, с. 135–136], – писал В. А. Гольцев народнику-социалисту П. Л. Лаврову. Напротив, необходимо мирным, ненасильственным путем добиваться смягчения режима, его постепенной эволюции к правовому конституционному государству.

В своих рассуждениях о сущности конституционного государства один из видных теоретиков-либералов В. М. Гессен доказывал, что таковым считается государство, «в котором законы издаются не иначе, как с согласия народного представительства», где «народное представительство является органом законодательной власти» [5, с. 8–10]. Причем формирование конституционного государства есть закономерный результат **эволюции** (выделено мной. – *А. П.*) абсолютизма, полагал В. М. Гессен, и покоится на трех основных началах: 1) на идее учредительной власти народа; 2) идее народного суверенитета в организации законодательной власти и в организации государственной власти вообще; 3) на ограничении проявления власти монарха началом разделения властей.

Важный теоретико-познавательный характер имеет содержание раскрываемых В. М. Гессеном идей конституционного государства. Так, идея уч-

редительной власти народа вытекает из Основного закона или конституции. Конституция понимается как общественный договор, предшествующий возникновению государства. Сам же «Основной закон исходит непосредственно от народа, исходит от власти учредительной. Этой учредительной властью является сам народ, и эта учредительная власть создает государство или, другими словами, создает учреждение власти» [5, с. 14].

Кроме того, процесс реализации государственной власти предполагает участие в нем самого народа, «во всем разнообразии его общественной группировки», а «не одним каким-нибудь общественным классом». В этом состоит суть другой максимы – народного суверенитета, т. е. требования, «чтобы государственная власть осуществлялась не в интересах какой-нибудь одной группы, а в интересах целого народа». «Только на этой почве теория народного суверенитета получает свой действительный смысл и неоспоримое значение» [5, с. 51].

Третья важнейшая идея конституционного государства – разделение властей – в интерпретации В.М. Геесена звучит как «обособление властей», обеспечивающее в первую очередь «неприкосновенность субъективных публичных прав гражданина». При «обособлении властей говорить о деспотизме большинства невозможно, ибо те права, которые большинство желает для себя, оно принуждено признать и, действительно, признает за меньшинством» [10, с. 255].

Анализ показывает, что для **российских либералов правовое государство было тождественно конституционному государству**. Это дало основания другому видному теоретику Б. А. Кистяковскому считать таковое высшей формой государственности потому, что правовое государство ограничивает власть признанием за личностью ее неотъемлемых неприкосновенных прав [6, с. 144].

Сущность правового государства раскрывается в его системообразующих признаках. Наиболее характерными из них являются: во-первых, способность идейного самооправдания власти; во-вторых, безличность и абстрактность власти; в-третьих, ограничение сферы проявления власти законами.

Но каким образом соотнести существующие общественные (скажем, неправовые) отношения с правовыми нормами? Как подчинить реальную жизнь законам и построить правовое государство? Б. А. Кистяковский предложил следующие меры: необходимо принять за исходные существующие де-факто общественные отношения, а затем освящать их нормами права. По его мнению, через определенное время появляется убежденность в том, что то, что есть, и должно быть. И далее постепенно правовая идея, идея должного берет верх над существующим лишь фактически. А фактические отношения приспособляются к должному в правовом отношении. Впоследствии все то, что не находит своего места в должном, постепенно изменяется и согласовывается с ним в правовом отношении [6, с. 7; 17–18; 39].

Таким образом, над государственной властью все более приобретает господство правовая идея, идея должного. Следовательно, власть признается правомерной и находит оправдание своему существованию. Это ведет к господству идеи права над властью. Власть, находящая оправдание своему существованию в правовых нормах, добивается упрочения правового и общественного порядка. Только «во имя безусловного господства правового порядка, но только во имя его, государство европейской культуры, которое есть союз не личного, а общественного господства, обладает властью высшею, безусловною» [7, с. 28], – добавлял А. С. Алексеев.

Но в то же время есть интересы, которые в известной степени выше и шире интереса обеспечения порядка, защищаемого государством. К таковым А. С. Алексеев относил интересы, охраняемые церковью, которые в нравственном отношении стоят выше интересов, защищаемых государством, ибо они освящены нравственным авторитетом церкви. Однако, что касается обеспечения правового порядка, то здесь, по мнению А. С. Алексеева, церковь, безусловно, уступает приоритет власти государству [7, с. 28].

Другими признаками правового государства являются безличность, и абстрактность власти. Это означает, что в правовом государстве господствуют не лица, а общие правила или правовые нормы. Лица, обладающие властью, подчинены таким нормам одинаково с лицами, не обладающими властью; они являются исполнителями предписаний, заключающихся в этих нормах или правилах. Для них власть – не столько их субъективное право, сколько их правовая обязанность, и эту обязанность они должны нести как известное общественное служение. Те полномочия, которыми наделяются лица, находящиеся у власти, предоставляются им не в их личных интересах, а в интересах всего народа и государства. Ведь фактически отдельные органы государственной власти «суть не что иное, как физические лица», к которым больше, чем к кому бы то ни было справедливо требование руководствоваться в своей деятельности «бесстрастностью и безличностью» [7, с. 12].

В правовом государстве власть заключена в известные границы, она ограничена и подзаконна, осуществляется в определенных формах и носит строго правовой характер. Этим положением характеризуется третий важнейший признак правового государства. Б. А. Кистяковский вслед за В. М. Гессеном указывал на пределы власти, которые «организуются при помощи самого народа» [8, с. 7]. А. С. Алексеев развивал эту мысль: «Не может быть изменений правового порядка без участия народного представительства» [9, с. 15], а В.М. Гессен усматривал наиболее совершенный тип правового государства в парламентаризме: «Истинно-демократическое правовое государство не может не быть парламентарным, ибо парламентаризм является венцом конституционного режима» [5, с. 135].

Верховенство законодательной власти в конституционном государстве обуславливается, прежде всего, представительным характером самого кон-

ституционного государства, уточнял В. М. Гессен. Ведь «парламент в конституционном государстве» есть «непосредственный выразитель народной воли. Закон – общая воля – господствует над частными волеизъявлениями отдельных органов государственной власти. Закон и представительное распоряжение – по самому своему происхождению – несоизмеримые величины; различие их источников обуславливает различную степень их значения и силы» [5, с. 135–136]. В. М. Гессен выражал надежду на то, что верховенство представительства в конституционном государстве сохранит свою непричастность к бюрократическому механизму управления, будет способствовать обращению бюрократии на службу народу, а не наоборот.

Практически единодушны были либеральные мыслители в убеждении, что установление конституционного режима с необходимостью требует обеспечения системы разделенных властей. Опираясь в целом на концепцию разделения властей Ш.-Л. Монтескье, российские либералы дали ей своеобразную трактовку с учетом российской практики. В их понимании власть едина, но должно быть разделение функций между законодательными, исполнительными и судебными органами. Однако при этом отрицались такие элементы классической теории разделения властей, как «сдержки», «равновесие властей», отстаивалась подчиненность представительной власти – исполнительной и судебной. Н. И. Лазаревский, например, понимал принцип разделения властей следующим образом: исполнительная власть с монархом включительно лишена законодательной власти. Поэтому необходимо определить роль и место народного представительства в деле «законодательства, администрации и суда» [10, с. 179–223].

Поскольку для большинства либералов конституционное и правовое государство были синонимами, принципиальное значение имел вопрос о том, можно ли Россию считать правовым конституционным государством. Здесь не было единства взглядов.

Одна часть исследователей создавала иллюзию конституционного правления в стране, определенной связанности монарха правом, разделения законодательной власти между монархом и представительным органом. Например, В. М. Гессен выделял два типа конституционно-правовых монархий – парламентскую и дуалистическую, отнеся Россию к последней. Эти ученые в своих суждениях опирались на конкретную российскую действительность, сложившуюся после выхода в свет царского Манифеста «Об усовершенствовании государственного порядка» от 17 октября 1905 г., провозгласившего коренные начала политических свобод и конституционного правового строя, хотя и не обеспечившего их осуществление соответствующими законодательными актами.

Другие мыслители, например, С. А. Котляревский, признавая государственный строй России конституционным, в то же время прибегали к существенным оговоркам, которые сводили на нет предыдущее признание [11, с. 118–119; 350].

Таким образом, лейтмотив деятельности либеральных теоретиков состоял в стремлении добиваться легально-оппозиционных основ правящего режима, в деятельности по распространению и закреплению в сознании масс потребности соотнесения своих жизненных устремлений с правом, правовыми нормами. Либералы отстаивали идею изменения общественных отношений исключительно правовыми способами. Главный принцип конституционализма, выражаясь словами Н. И. Палиенко, виделся в «установлении системы правовых гарантий против произвола власти» [12, с. 137].

Выдвигавшиеся идеи правового конституционного государства отвечали интересам всех слоев российского общества. Однако теоретики-либералы недостаточно осознавали, что реально улучшить участь самых широких слоев общества невозможно путем простого провозглашения и даже обеспечения формальных прав. Этот процесс достигается в ходе постепенного и длительного обретения обществом правовой конституционной государственности, развития и укрепления гражданского общества.

В России элементы гражданского общества появились с большим историческим опозданием. На рубеже XIX–XX вв. возникли зачатки гражданского общества – политические, земские, городские органы самоуправления, общественные организации. Но в целом становление гражданского общества и его институтов находились на начальной стадии.

Политические партии, возникшие в России в начале XX в., были слабыми посредниками между обществом и властью и выражали скорее собственные, местнические интересы. Несмотря на то обстоятельство, что политических партий в России в начале XX в. «насчитывалось более 280», но «общее число их членов было невелико. В 1906–1907 гг. оно составляло примерно 0,5 % от общей численности населения, а после февраля 1917 г. возросло до 1,2–1,5 %» [13, с. 9].

В условиях общего низкого уровня политической культуры, доминирования правового нигилизма, отсутствия традиций парламентаризма и зрелого гражданского общества в российском либеральном движении на рубеже XIX–XX вв. произошли качественные изменения. Стала ощутимой трансформация взглядов либеральных теоретиков, не отрицавших, но молчаливо соглашавшихся с усиливающейся **радикальной тенденцией** общественного переустройства. По наблюдениям либерального публициста А. С. Изгоева, социализм стал служить той «колыбелью, в которой пестовалась политическая мысль» [14, с. 4].

Выдвигавшаяся российскими либеральными мыслителями XIX – начала XX в. концепция правового конституционного государства представляла собой важную веху в развитии правовой конституционной государственности. Эта концепция ценна уже сама по себе. Она аккумулировала мировую и в первую очередь западный опыт. Однако неразвитость гражданского

стройка, гражданской свободы «повела к исчезновению политической свободы, к крушению конституционного строя в России» [15, с. 539]. Оказавшись слабо соотнесенной с российской действительностью, либеральная мысль конца XIX – начала XX в. недостаточно учитывала истинные устремления большинства слоев российского общества, которое, по меткому выражению П. И. Новгородцева, «с неудержимой силой катилось к торжеству большевизма» [16, с. 564] и к той системе свободы, где, в сущности, упразднилась идея государства, власти, права.

В настоящее время на постсоветском пространстве продолжается процесс строительства правовой конституционной государственности и формирования гражданского общества. Положения о правовом государстве получили закрепление в конституциях новых независимых государств. Однако представляется сомнительным развитие современной государственности на началах единственно либеральной доктрины. Фактически подобные попытки означали бы движение по новому историческому кругу и повторение политических событий рубежа XIX–XX вв.

Специфика современного политического процесса состоит в том, что провозгласив в конституциях либеральные ценности, новые независимые государства до сих пор не завершили переход к правовому государству и продолжают испытывать давление авторитарных и протототалитарных тенденций. Среди подобных признаков в России, отмечает российский ученый Дорожкин Ю.Н., особенно выделяются: «несменяемость власти (тамдемократия) при наличии выборов и оппозиции; персоналистский режим; отсутствие реального равенства политических сил, конкуренции, сдержек и противовесов в системе государственной власти, контроля общества за исполнительной властью, ее подотчетности гражданам; наличие привилегированной партии, ее монополия на власть; ограниченный и контролируемый плюрализм политического мышления и поведения» и др. [17, с. 14–15]. Авторитарные признаки дополняет масштабная коррупция, беспредел бюрократии, формализм в осуществлении демократических ценностей Конституции и др. В целом, полагает ученый, российская модель авторитаризма не исчерпала себя, не утратила свою привлекательность в общественном сознании. Поскольку сохраняются традиционалистские установки массового сознания, а современные геополитические факторы и санкции против России только укрепляют их позиции» [17, с. 15–17].

Необходимо признать, что в наши дни либеральная идеология в целом испытывает кризис легитимности на фоне укрепления авторитарных тенденций и превращается, по наблюдениям другого российского исследователя А. В. Щипкова, полностью «в авторитарный проект (корпоративную диктатуру), внутри которого растет влияние ультраправых идей» с тенденцией к установлению «новых режимов неонацистского и фундаменталистского типа» [18, с. 33–34]. Современный теоретический фундамент либерализма меняется. Гуманизм и научно-критический рационализм либерализма уxo-

дят, обнажая социал-дарвинистскую, дегуманизированную сущность этой идеологии. Кризис либеральной идеологии проявляется в растущем социальном неравенстве и неограниченном политическом влиянии крупного капитала; доминировании культурно-ценностного монизма и социал-дарвинистской этики; имитационной демократии и избирательном подходе к декларируемой защите прав и свобод человека [18, с. 3].

Таким образом, исторические параллели свидетельствуют о том, что постсоветская реальность не вполне вмещается в категории западного типа, инструментарий которой заимствован извне. Очевидно, правовое конституционное государство, в том виде, в каком оно сформировалось на Западе, не вполне справляется с задачей купирования современных авторитарных тенденций. Кроме того, до сих пор не преодолены последствия глобального экономического кризиса, способные к воплощению дезинтеграционных и торжеству радикальных начал. Является ли либеральная доктрина вообще применимой в переходном обществе в условиях отсутствия собственных глубоких исторических корней и устойчивого опыта правовой конституционной государственности? Способны ли новые независимые государства и в дальнейшем продвигаться по пути правовой конституционной государственности, опираясь на собственный исторический и политический опыт? В этом отношении крупный немецкий политолог Г. Рормозер высказывает мысль созвучную умонастроениям значительной части гуманитарной интеллигенции: «Если у либерализма вообще есть будущее, то ему придется ужиться с просвещенным консерватизмом». Весьма опасно, предупреждает этот исследователь, связывать свои надежды на нормальную жизнь (благополучие, свободы и правовые гарантии) только с либеральной идеологией. Ибо «на смену разочарованию в социализме в таком случае неизбежно придет еще большее разочарование, причем под сомнение будет поставлена вообще способность либерализма дать ответ на исторический кризис, что может привести к диктатуре» [19, с. 31, 34], а в худшем случае – даже к тоталитаризму.

Список использованных источников

1. *Иорданский, Н. И.* Конституционное движение 60-х гг. / Н. И. Иорданский. – СПб., 1906. – С. 16–20.
2. *Леонтович, В. В.* История либерализма в России. 1762–1914 / В. В. Леонтович. – М., 1995. – С. 3.
3. *Сперанский, М. М.* Руководство к познанию законов / М. М. Сперанский. – СПб., 1845; *Сперанский, М. М.* Обзорение исторических сведений о своде законов / М. М. Сперанский. – СПб., 1837; *Сперанский, М. М.* Проекты и записки / М. М. Сперанский; под ред. С. Н. Валка. – М., 1961.
4. Памяти В. А. Гольцева. – М., 1910. – С. 135–136.
5. *Гессен, В. М.* Теория конституционного государства / В. М. Гессен. – СПб., 1914. – С. 8–10.

6. *Кистяковский, Б. А.* Государство правовое и социалистическое / Б. А. Кистяковский // Вопросы философии. – 1990. – № 6. – С. 144.
7. *Алексеев, А. С.* К учению о юридической природе государства и государственной власти / А. С. Алексеев. – М., 1895. – С. 28.
8. *Кистяковский, Б. А.* Сущность государственной власти / Б. А. Кистяковский. – С. 7.
9. *Алексеев, А. С.* Начало верховенства в современном государстве / А. С. Алексеев // Вопросы права. – 1906. – Кн. 2. – С. 15.
10. *Лазаревский, М. Н.* Народное представительство и его место в системе других государственных установлений / М. Н. Лазаревский // Конституционное государство. – СПб., 1905. – С. 179–223.
11. *Котляревский, С. А.* Власть и право. Проблема правового государства / С. А. Котляревский. – М., 1915. – С. 118–119; 350.
12. *Палиенко, Н. И.* Правовое государство и конституционализм / Н. И. Палиенко // Вестник права. – Кн. 1. – СПб., 1906. – С. 137.
13. *Шелохаев, В.* Многопартийность при царе / В. Шелохаев // Аргументы и факты. – 1995. – № 46. – С. 9.
14. *Изгоев, А. С.* Наши политические партии / А. С. Изгоев. – Петроград, 1917. – С. 4.
15. *Леонтович, В. В.* История либерализма в России / В. В. Леонтович. – 1762–1914. – М., 1995. – С. 539.
16. *Новгородцев, П. И.* Об общественном идеале / П. И. Новгородцев. – М., 1991. – С. 564.
17. *Дорожкин, Ю. Н.* Политическая система современной России: демократия или авторитаризм? // Власть. Общенациональный научно-политический журнал / Ю. Н. Дорожкин. – 2016. – № 8. – С. 14–15.
18. *Щипков, А. В.* Либерализм и социал-консерватизм в современном идеологическом дискурсе / А. В. Щипков // Автореф. дис. д-ра полит. наук. – МГУ им. М. В. Ломоносова. – 2016.
19. *Рормозер Г.* Пути либерализма в России / Г. Рормозер // ПОЛИС. – 1993. – № 1. – С. 31, 34.

(Дата подачи: 8.02.2018 г.)